

Первый день войны. Болевые точки памяти

В.Б. Маковский

В статье на основе новых и ранее известных архивных документов, материалов и источников рассматриваются боевые действия советских войск западных приграничных округов 22 июня 1941 г., и на этой основе автором предпринимается попытка ответить на вопрос: как такое могло случиться?

События первого дня Великой Отечественной войны до сих пор продолжают быть в центре внимания политологов, публицистов, историков. Казалось бы, уже прошел достаточный срок, чтобы они могли досконально разобраться во всех причинах и обстоятельствах того трагического дня в жизни нашей страны. Но, к сожалению, этого не произошло. До сих пор существует множество предположений, версий, которые все же по-прежнему не дают полного ответа на такие вопросы: Почему все-таки Сталин игнорировал поток предупреждений о скором начале войны? Почему войска западных приграничных округов не были заранее приведены в боевую готовность? Почему советский народ узнал о начале войны только лишь через восемь часов после вторжения войск вермахта и ожесточенных приграничных сражений? Почему в результате первых массированных вражеских налетов была уничтожена практически вся наиболее боеспособная авиация западных приграничных округов? Почему не смогла отразить натиск агрессора почти трехмиллионная группировка советских войск, размещенная на западе, которая превосходила соединения и части вермахта по танкам почти в четыре раза, в полтора раза по артиллерии и более чем в два раза – по самолетам?

Безусловно, что сегодня в связи с появлением новых архивных документов, материалов и источников, круг подобных вопросов может быть

значительно расширен, но вопрос, как же такое могло случиться, еще долгие годы будет оставаться открытым. Тем не менее трагедия 22 июня 1941 г. произошла, и она продолжает оставаться незаживающей раной нашего народа и его армии. О первом дне минувшей войны написано огромное количество литературы. И кое у кого порой возникает вопрос: стоит ли вновь возвращаться к событиям той тяжелой поры? Без сомнения, стоит, особенно накануне Дня памяти и скорби – во имя памяти павших в той войне и ныне живущих.

Реализация гитлеровского плана «Барбароса» началась на рассвете 22 июня 1941 г. Именно в это время сосредоточенные на границе СССР войска вермахта получили приказ осуществить вторжение. Началась Великая Отечественная война – самая тяжелая из всех войн, когда-либо пережитых страной. Тот первый день войны начался необычно рано не только для войск западных приграничных военных округов, но и советских людей, проживающих в приграничных областях СССР. Еще не успел забрезжить рассвет, как сотни немецких бомбардировщиков вторглись в воздушное пространство Советского Союза. Они подвергли бомбардировке аэродромы, районы расположения войск, железнодорожные узлы, линии связи и другие важные объекты, расположенные во всей западной приграничной полосе, а также крупные города Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины, Молдавии.

Маковский Валерий Борисович – к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) ВАГШ ВС РФ. E-mail: valery.makovsky@yandex.ru

Одновременно сосредоточенные на всем протяжении государственной границы СССР немецкие войска открыли ураганный артиллерийский огонь по пограничным заставам, укрепленным районам, а также соединениям и частям советских войск, дислоцированным в непосредственной близости от государственной границы. После артиллерийской и авиационной подготовки войска вермахта перешли государственную границу СССР на огромном пространстве – от Балтийского моря до Черного.

Первые сообщения о вторжении германских войск на советскую территорию поступили от пограничников. Так, командование Белостокского пограничного участка докладывало в Москву: «Наступление по всему фронту. Части погранохраны ведут бой. Немцы наступают Кретинга... Белосток. Бомбят Владимир»¹. Подобная информация стала поступать и в Генеральный штаб из западных приграничных округов. Около 4 часов утра начальник Генерального штаба Г.К. Жуков доложил И.В. Сталину о случившемся. Только через полтора часа после вторжения немецких войск на советскую территорию посол Германии в СССР Ф. Шуленбург прибыл к народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову с официальной нотой правительства Германии, в которой оно лицемерно обвиняло СССР в том, что «ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массовой концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»². На вопрос Молотова: «Что может означать эта нота?» – последовал ответ: «Начало войны».

Но даже после получения официального документа из германского посольства И.В. Сталин все еще до конца не мог поверить, что началась настоящая война. Он по-прежнему требовал от наркома обороны маршала С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала Г.К. Жукова, чтобы они разобрались: «Не провокация ли это немецких генералов? И приказал отдать распоряжение войскам – границу до особого указания не переходить»³.

Советские люди узнали о нападении Германии на СССР в 12 часов дня 22 июня 1941 г., когда от имени правительства с Обращением к народу выступил по радио заместитель Председателя Совета народных комиссаров, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов. Он начал свое выступление словами: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города...». Обращение заканчивалось словами, ставшими лозунгом советского народа в борьбе с захватчиками: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»⁴.

Уже вслед за выступлением В.М. Молотова Указом Президиума Верховного Совета СССР с 23 июня была объявлена мобилизация военно-

обязанных 14 возрастов в 14 военных округах из 17, а также был принят Указ «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения»⁵.

Прильнув к приемникам и столпившись у репродукторов, установленных на улицах и в заводских корпусах, люди, стремясь не пропустить ни одного слова, слушали эту речь. Вначале эта неожиданная весть глубоко потрясла большинство советских людей, вызвав тревогу за судьбу своих родных, близких. Они еще не могли представить себе масштабы навалившейся беды, число будущих человеческих жертв и разрушений. На первых порах почти никто из них не сомневался, что Красной армии понадобится всего несколько недель, чтобы разбить врага «малой кровью, могучим ударом». В полной мере трагизм положения не осознавался не только простым народом, но и военно-политическим руководством страны, у которого отсутствовала реальная, объективная информация о состоянии дел на фронте.

К исходу первого дня войны ему было ясно только одно, что военные действия, развернувшиеся в приграничной полосе западной границы СССР, являются отнюдь не крупномасштабной военной провокацией Германии, а началом войны – самой страшной и жестокой. «С рассветом 22 июня 1941 г. регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря, – сообщалось населению страны в первой сводке Главного командования Красной армии, – и в течение первой половины дня сдерживались ими. ...После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только на гродненском и кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов...»⁶.

Уже в этой сводке с фронта просматривался весь драматизм первых приграничных сражений и боев, жесточайших по своему накалу и последствиям. Никто не ожидал, что удар агрессора будет таким мощным. Столь трагическое для нашей страны развитие событий на советско-германском фронте стало тяжелой неожиданностью для большинства советских граждан. Война круто перевернула всю их жизнь, внесла свои жестокие коррективы в судьбы десятков миллионов людей, принесла горе, страдания, смерть, разрушения и голод. Но тогда, в тот первый день войны, еще никто не мог себе даже представить, какие тяжелые, нечеловеческие испытания лягут на плечи каждого советского человека – как на фронте, так и в тылу.

Население Германии о начале новой войны узнало утром 22 июня из обращения Гитлера к народу, которое в 5 часов 30 минут было передано по Берлинскому радио. Его зачитал министр пропаганды Геббельс⁷. В этом обращении политическое руководство Германии для оправдания своих агрессивных устремлений всю вину за развязывания войны возлагало на Советский Союз, преследуя тем самым конкретные цели. В первую очередь оно стремилось не только оправдать аг-

рессию в глазах мировой общественности, но и по возможности привлечь к участию в антисоветской войне западные державы, а если не удастся, то хотя бы заручиться благожелательным отношением их правящих кругов к походу Германии против СССР. Во-вторых, Гитлер таким образом надеялся лишить Советский Союз возможности обретения союзников⁸. Однако нападение Германии на СССР вызвало осуждение со стороны ведущих держав мира. Большинство трезвомыслящих политиков ясно понимали, что заявления нацистов – это всего лишь пропагандистский трюк, с помощью которого они рассчитывают оправдать очередной акт агрессии. Поэтому лидеры Великобритании и США сделали заявления о готовности поддержать СССР.

Первыми отреагировали англичане. Уже вечером 22 июня премьер-министр Великобритании У. Черчилль выступил с заявлением о поддержке СССР в войне с нацистской Германией. В своей речи он четко сформулировал цель британской политики в войне и гарантировал жесткую и последовательную позицию Великобритании в деле уничтожения нацизма и всех его пособников: «У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвлечь нас от этого, ничто... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление»⁹.

Свое выступление У. Черчилль завершил обещаниями «оказать России и русскому народу всю помощь, какую только сможем», уточнив, что имеет в виду «любую техническую или экономическую помощь, которую мы в состоянии оказать»¹⁰. Выступление английского премьер-министра имело огромный резонанс во всем мире. Точки были расставлены: Англия четко определилась со своим отношением к подвергшемуся фашистской агрессии Советскому Союзу. Это имело принципиальное значение для уточнения позиций многих других государств мира, прежде всего стран Британского Содружества, привыкших в своей политике традиционно ориентироваться на мнение Англии. Выступление британского премьер-министра в определенном смысле оказало влияние и на формирование позиции Соединенных Штатов Америки¹¹.

Американцев происходившие в Европе события затрагивали не так сильно. Они еще были в стороне от мировой войны. Поэтому официальная реакция США последовала несколькими днями позже. Утром 23 июня, действуя по указанию президента Ф.Д. Рузвельта, официальное заявление об оказании помощи СССР было сделано исполняющим обязанности заместителя госсекретаря С. Уэллесом. На следующий день об этом говорил и сам Рузвельт, на пресс-конференции в Белом доме заявивший, что США окажут всяческую помощь СССР в его борьбе против Германии. Но вместе с тем заметил, что еще не известно, в какую форму она, эта помощь, выльется¹².

В свою очередь посол США в Москве Л. Штейнгардт заверил В. Молотова, что США готовы «дать всякую возможную помощь Советскому Союзу, которая окажется в силах США, чтобы Советский Союз победил Гитлера при условии, что Советский Союз попросит такую помощь»¹³.

Выраженные У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом официальные позиции своих государств нашли поддержку у широких слоев английского и американского народов. И все же первое время после начала Великой Отечественной войны западные державы больше говорили о поддержке СССР, чем реально помогали. Даже с учетом того, что быстро наладить масштабные поставки в далекую от них страну в условиях военного времени действительно было очень непросто. Причины такой медлительности очевидны. США и Великобритания исходили из собственного видения мира. Велик был соблазн воспользоваться взаимным ослаблением и истощением сошедшихся в смертельной схватке двух непримиримых врагов для укрепления собственных позиций. Да и веры в то, что Красная армия устоит против, казалось, непобедимого вермахта было не так уж много.

Подтверждением этого был и тот первый день гитлеровского нашествия на СССР, когда ударные группировки врага на всех направлениях добились ощутимого успеха. Выделение руководством Германии в первый эшелон вторжения более 80% всех сил, предназначенных для войны против СССР, – 130 дивизий, 8 бригад, 3350 танков, около 38 тыс. орудий и минометов и около 5 тыс. самолетов – свидетельствовало об уверенности агрессора в успехе первого удара¹⁴.

Особенно тяжелым был тот первый день войны для всех войск западных приграничных округов. Удар врага такой силы явился для них полной неожиданностью. К такому развитию событий они не были готовы. Не ожидали такого удара и советские пограничники, которые первыми встали на пути немецких войск. В самом начале боевых действий на всем протяжении советской государственной границы противник рассчитывал за короткое время смять пограничные заставы, но ему это сделать не удалось. Пограничники стояли насмерть. Впоследствии бывший командующий 3-й танковой группы генерал Г. Гот, действовавший в полосе Западного Особого военного округа¹⁵, вынужден был признать: «Обе дивизии 5-го армейского корпуса сразу же после перехода границы натолкнулись... на окопавшееся охранение противника, которое, несмотря на отсутствие артиллерийской поддержки, удерживало свои позиции до последнего»¹⁶.

В крайне невыгодных условиях пришлось начать боевые действия соединениям и частям прикрытия западных приграничных округов. Своевременно не приведенные в боевую готовность, они не смогли оказать должного отпора врагу. Еще в половине второго ночи 22 июня в штабах приграничных военных округов была получена директива наркома обороны № 1 о возможном нападении немцев 22 – 23 июня. По

существо, этот документ не давал разрешения на ввод в действие плана прикрытия госграницы в полном объеме, поскольку предписывал лишь «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения... все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава... других мероприятий без особого распоряжения не проводить»¹⁷.

Недостаточно конкретное содержание отданного распоряжения вызывало множество вопросов, сковывало инициативу командования. В директиве Прибалтийского Особого военного округа 8-й и 11-й армиям, например, указывалось: «В течение ночи на 22 июня скрыто занять оборону основной полосы... Боевые патроны и снаряды не выдавать... В случае провокационных действий немцев огня не открывать»¹⁸. В 2 часа 25 минут 22 июня подобные указания армиям были отданы военным советом и Западного Особого военного округа.

Штабы армий, получив окружные директивы за несколько минут до начала войны, до 5 – 6 часов утра принимали меры по доведению полученного распоряжения до подчиненных соединений и частей. Поэтому лишь некоторые из них были своевременно приведены в боевую готовность. Сигналом боевой тревоги большинству из них послужили первые разрывы артиллерийских снарядов и авиационных бомб противника. Командующие 3-й и 4-й армиями ЗапОВО успели отдать командирам соединений только некоторые предварительные распоряжения. В штабе 10-й армии директива была получена уже после начала военных действий¹⁹. Практически до 6 часов утра штабы армий и корпусов принимали меры по доведению приказа на приведение соединений и частей в боевую готовность. Причин было несколько:

- в ночь на 22 июня в результате действий диверсионных групп противника во всей приграничной полосе была в значительной степени нарушена проводная связь в звене «армия – корпус – дивизия»²⁰;
- низкая обеспеченность штабов объединений и соединений прикрытия радиосредствами;
- отсутствие заранее отработанных документов по скрытому управлению войсками;
- радиобоязнь приводила к тому, что этот вид Красная армия практически не использовала.

Бывший начальник штаба 11-й армии Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант И.Т. Шлемин отмечал: «22 июня во второй половине дня с округом прервалась проводная и радиосвязь. Найти округ было невозможно... Штаб округа, получая по радио шифротелеграммы от армии, полагал, что шифровки идут от противника, и, боясь выдать свой замысел и свое местонахождение, решил не отвечать на запросы армии»²¹. В результате первых массированных ударов авиации противника по местам дислокации войск было уничтожено большое количество средств связи и транспорта. Уже в

первые часы войны командующий 3-й армией генерал В.И. Кузнецов докладывал в штаб Западного фронта: «Проводная связь с частями нарушена, радиосвязь до 8 часов не установлена. В части высланы делегаты связи»²².

Подобное положение наблюдалось и в штабе 10-й армии того же фронта, все средства связи которой были уничтожены противником²³. Практически отсутствовала связь и в штабе 14-го механизированного корпуса. Позднее его командир генерал С.И. Оборин также сообщал в штаб Западного фронта: «Батальон связи на 70% погиб 22 июня 1941 г. утром, во время бомбардировки города Кобрин. Штаб 14-го мехкорпуса остался в составе 20% штатного количества»²⁴. Поэтому командиры и штабы, не имея точной информации от войск о развитии событий, оказались не в состоянии оценить всю серьезность создавшейся обстановки, не были готовы взять на себя всю меру ответственности по пресечению агрессии. Например, не владея обстановкой, командующий 3-й армии Западного фронта генерал В.И. Кузнецов требовал от подчиненных командиров: «Немедленно информируйте, что у вас происходит на границе, выполняют ли войска приказ по плану? Есть ли данные о том, что приказ войска выполняются? Введен ли план прикрытия в действие?»²⁵

В то же время, получив с трудом некоторые сведения о нападении немецких войск из штабов соединений и объединений, отдельные командиры и командующие сильно преувеличивали действия своих войск, полагая, что враг сдерживается ими на всех направлениях. Так, в 6 часов 10 минут командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф.И. Кузнецов направил наркому обороны соответствующее донесение: «В 4.00 22.6.41 г. немцы начали боевые действия. Военно-воздушные силы противника бомбардировали аэродромы... Танки противника наступают... Отдал приказ контратаками выбросить противника и пленить»²⁶. Однако в действительности под натиском превосходящих сил врага войска фронта в расстроженных боевых порядках отступали, а на отдельных направлениях бежали на восток.

Обстановка была неясной, данные о противнике отсутствовали. «...Первые сообщения о боях на границе были восприняты в округе как вооруженная провокация со стороны немцев, – писал после войны бывший начальник штаба 4-й армии Западного фронта Л.М. Сандалов. – И лишь через 1,5 часа там убедились, что началась война»²⁷. Установка наркома обороны, данная в директиве № 1, «не поддаваться ни на какие провокации», по-прежнему продолжала действовать и всячески ограничивала решительные действия командиров всех степеней. Так, командующий 3-й армией докладывал в штаб Западного Особого военного округа: «Авиация противника бомбит Гродно, жду распоряжений генерала Павлова... артиллерийско-пулеметная стрельба со стороны немцев... жду указаний»²⁸. Практически то же самое отмечал бывший командир 11-го стрелкового корпуса 8-й

армии ПриБОВО генерал М.С. Шумилов: «Война началась в 4.00... мной немедленно было доложено командующему 8-й армией, который находился на своем командном пункте в лесу западнее Шяуляя. Получил приказ: «Огня не открывать, на провокацию не поддаваться»²⁹. Но войска без приказа открыли ответный огонь.

Аналогично действовали командиры большинства соединений и частей и на других участках прикрытия госграницы западных приграничных округов. Приказы «сверху» поступили значительно позднее. Так, Военный совет Западного фронта только в 5 часов 25 минут направил командующим 3, 4 и 10-й армиями директиву: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому»³⁰.

Трудновосполнимые потери от авиационных ударов противника понесла армейская авиация, в большинстве своем уничтоженная на аэродромах. Массированным налетам немецкой авиации подверглись 66 аэродромов, на которых дислоцировались наиболее боеспособные авиационные полки западных приграничных округов³¹. Так, в 10-й смешанной авиационной дивизии 4-й армии ЗапОВО на аэродромах в районах Высокое и Пружаны было уничтожено более 70% самолетов штурмового и истребительного авиационного полков. Только десять боевых самолетов осталось в истребительном полку, базировавшемся в районе Кобрин³². В 7-й смешанной авиационной дивизии 8-й армии Северо-Западного фронта к 15 часам 22 июня оставалось всего 5 – 6 самолетов, остальные были уничтожены³³. В результате советская авиация уже 22 июня потеряла свыше 1200 самолетов. Особенно тяжелые потери понесла авиация Западного фронта. За первый день боев ВВС Западного фронта потеряли 738 самолетов, из них 528 машин на земле. Это составило почти 40% самолетного парка Западного фронта, или 63,7% всех потерь авиации на советско-германском фронте за 22 июня³⁴.

Воспользовавшись практически полным отсутствием зенитных средств в войсковых подразделениях ПВО, противник с первых же часов войны обеспечил себе полное господство в воздухе. Наших самолетов над полем боя было очень мало. В одном из донесений командующему 8-й армией Северо-Западного фронта командир 3-го механизированного корпуса генерал А.В. Куркин отмечал: «Нет нашей авиации. Противник все время бомбит»³⁵. К тому же ВВС фронтов были скованы приказом наркомата обороны: «Границу не перелетать, уничтожать воздушного противника над своей территорией»³⁶.

В этих сложных условиях поднятые по тревоге соединения и части прикрытия западных приграничных военных округов вынуждены были принять внезапный для них удар противника и начать осуществлять мероприятия по оперативному сосредоточению и развертыванию. Увы, времени, которым располагали войска прикрытия для приведения в полную боевую готовность,

оказалось явно недостаточно. Вместо 6 – 9 часов по плану они в лучшем случае имели на все эти мероприятия не более 30 минут. Под яростным артиллерийским и авиационным огнем противника они несли существенные потери. Например, достаточно хорошо укомплектованные 6-я и 42-я стрелковые дивизии 4-й армии Западного фронта, дислоцировавшиеся в Бресте, в результате неожиданных огневых ударов противника были дезорганизованы, практически полностью потеряли боевую технику и материальные запасы³⁷.

Насколько неожиданно для войск прикрытия началась война, можно судить по тому, что собранные на окружном полигоне ЗапОВО для проведения стрельб артиллерийские подразделения некоторых стрелковых дивизий и ряда артиллерийских частей начало артиллерийской подготовки противника восприняли как неожиданное начало учений. А то, что снаряды начали рваться в их расположении, отнесли к халатности руководства учением и начали подавать соответствующие сигналы, чтобы исправить ошибку. И только когда войска уже понесли большие потери, поняли, что началась война³⁸. «В 3 часа 30 минут вся наша артиллерия открыла огонь, – впоследствии вспоминал бывший начальник штаба 4-й армии вермахта генерал Г. Блюментрит. – И затем случилось то, что показалось чудом: русская артиллерия не ответила. Только изредка какое-нибудь орудие с того берега открывало огонь. Через несколько часов дивизии первого эшелона были на том берегу... Не было никакого сомнения, что 4-я армия и 2-я танковая группа застали русских врасплох»³⁹.

Войска стремились выйти в свои районы прикрытия, но, не имея сведений об обстановке, не зная, что происходит на границе, нередко в походных порядках подвергались ударам. Встретив сопротивление, противник быстро обходил советские части, атаковал их с флангов и тыла, стремился продвинуть свои танковые дивизии как можно дальше в глубину. В результате внезапного вражеского удара боевые порядки многих стрелковых дивизий первого эшелона армий с первых же часов были рассечены, некоторые соединения и части оказались в окружении, связь с ними установить было невозможно. Из 3-й армии генерала В.И. Кузнецова с началом войны и до 10 часов утра штабом Западного фронта было получено всего три боевых донесения. От командующего 10-й армии генерала К.Д. Голубева за это время поступило всего одно такое сообщение, а командующий 4-й армией генерал А.А. Коробков первое боевое донесение смог направить генералу Г.Д. Павлову только в 6 часов 40 минут⁴⁰.

В тот день не только большинство командиров объединений, но и командующие фронтами не имели полного представления о направлении вражеских ударов и положении своих войск. В отчетных документах 3-й танковой группы по этому поводу указывалось: «Не было никаких признаков целеустремленного и планового управления войсками противника в целом. Непосредственное

управление войсками отличалось малоподвижностью, схематичностью... Ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты»⁴¹. И все же и в этих тяжелейших условиях командующие и командиры всех степеней, проявляя высокое мужество, настойчивость и инициативу, выводили подчиненные соединения и части в свои районы прикрытия.

Так, в полосе Западного фронта из десяти соединений первого эшелона 3, 10, 4-й армий три стрелковые дивизии все же сумели выйти в свои районы прикрытия. В полосе Юго-Западного фронта первыми к государственной границе вышли передовые части 62-й и 87-й стрелковых дивизий 26-й армии. Всего 22 июня в полосе Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов на прикрытие границы были выведены и вступили в сражение 14 дивизий из 57 запланированных соединений первого эшелона⁴².

Необходимо отметить, что они были недостаточно боеспособны, вступали в бой с ходу, вели оборону в широких полосах, в одноэшелонных боевых порядках, порой на не оборудованной в инженерном отношении местности, имея ограниченное количество боеприпасов, без существенной поддержки артиллерии, без должного авиационного прикрытия, зенитных средств. В связи с этим они несли большие потери и вынуждены были отходить под ударами превосходящего противника. Уже в 8 часов утра командующий группы армий «Центр» фельдмаршал Ф. Бок докладывал командованию вермахта: «Наступление продолжается успешно. На всем фронте наступления противник до сих пор оказывает незначительное сопротивление. По-видимому, противник на всех участках застигнут врасплох»⁴³. Подобное донесение в вышестоящий штаб было направлено и командующим 2-й танковой группой генералом Г. Гудерианом: «Внезапность нападения на противника была достигнута на всем фронте танковой группы западнее Брест-Литовска. 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности»⁴⁴.

В такой обстановке штабы Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в 7 часов 15 минут получили директиву наркома обороны № 2. В ней командующие войсками фронтов информировались о начале военных действий: «22 июня 1941 г. в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли границу». И здесь же ставилась задача войскам: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу»⁴⁵.

Однако в это время командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф.И. Кузнецов докладывал маршалу С.К. Тимошенко: «Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друсkenики. 128-я стрелковая дивизия большей

частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет. В Ораны стоит 185-я стрелковая дивизия не укомплектована, 179-я – в Свецяны также не укомплектована и ненадежна, так же оцениваю 181-ю стрелковую дивизию – в Губэне, а 183-я стрелковая дивизия на марше Рига, поэтому на своем левом крыле и стыке с Павловым (командующий Западным фронтом) создать группировку для ликвидации прорыва не могу. Прошу помочь»⁴⁶. Действительно, такими силами командующий Северо-Западным фронтом выполнить приказ наркома был не в состоянии, практически он ничего не смог сделать для ликвидации прорыва 3-й танковой группы.

К исходу дня наиболее угрожаемое положение сложилось на флангах Западного фронта. К сожалению, командование Западного фронта еще не осознало этой угрозы, нависшей над его войсками. Создалась угроза глубокого охвата обоих крыльев фронта танковыми соединениями противника. Не разобравшись в обстановке, в конце дня генерал Д.Г. Павлов направил в Генеральный штаб неподтвержденные сведения: «Части Западного фронта в течение дня 22.6.41 г. вели сдерживающие бои и, оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника, к 17 часам отошли на рубеж... Домброва... Ломжа, западнее Бельска»⁴⁷, по существу дезориентировав политическое и военное руководство страны.

На основании донесений фронтов нарком обороны и начальник Генерального штаба сделали заключение, что в основном бои ведутся вблизи границы, а самые крупные группировки противника – это сувалкская и люблинская, именно от их действий и будет зависеть дальнейший ход сражений. Мощную группировку противника, наносившую удар из района Бреста, советское Главное командование из-за дезориентирующих докладов штаба Западного фронта явно недооценило.

В то время его больше беспокоило положение под Гродно, где к концу дня определился глубокий охват белостокского выступа с севера. Пытаясь переломить ход событий и полагая, что для ответного удара сил вполне достаточно, советское Главное командование в 21 час 15 минут 22 июня направило командующим Северо-Западным, Западным, Юго-Западным и Южного фронтами директиву № 3. Она требовала нанесения войсками фронтов мощных контрударов во фланг и тыл по вторгшимся группировкам врага⁴⁸.

Нацеливая войска фронтов на разгром вражеских группировок, представлявших наибольшую опасность в полосе каждого фронта, директива не учла трудности, с которыми была сопряжена организация и подготовка в течение одной ночи ударов по врагу со столь решительными целями. Реальная обстановка, которая сложилась к исходу первого дня войны на всем советско-германском фронте, оказалась гораздо сложнее, чем это было известно военно-политическому руководству страны. Выполнить требования директивы практически уже не имел возможности ни один командующий фронтом.

Решение командующего Западным фронтом генерала Д.Г. Павлова после многих изменений и уточнений заключалось в нанесении с утра 23 июня контрудара в направлении Гродно, Сувалки силами 6-го и 11-го механизированных корпусов и 36-й кавалерийской дивизии, объединенных в группу во главе с генералом И.В. Болдиным, и соединений 3-й армии. Уже в 23 часа 40 минут Павлов лично поставил боевую задачу Болдину на организацию контрудара: «Вам надлежит организовать ударную группу в составе корпуса Хацкилевича плюс 36-я кавалерийская дивизия, части Мостовенко и нанести удар в общем направлении ... южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу р. Неман и не допустить выхода его частей в район Волковыск...»⁴⁹.

Несмотря на то что решение о контрударе было согласовано с прибывшим на фронт заместителем наркома обороны маршалом Б.М. Шапошниковым, оно было нереально. Действовавшие на направлении контрудара соединения 3-й армии, в том числе и 11-й механизированный корпус генерала Д.М. Мостовенко, отходили. Дивизии корпуса уже в первый день войны вели напряженные бои на широком фронте северо-западнее Гродно. Другие соединения, привлекаемые для контрудара, находились на большом удалении от Гродно. Сосредоточить выделенные для контрудара силы за столь короткое время уже было практически невозможно. Положение войск Западного фронта становилось все более критическим. Особую тревогу вызывало северное крыло фронта, где образовался разрыв в 130 км. Войска фронта не смогли задержать противника в приграничной полосе и ликвидировать его глубокие прорывы.

Ударные группировки врага продолжали еще глубже обходить с флангов 3-ю и 10-ю армии, тем самым создавая реальную угрозу их окружения. «Противник, обойдя правый фланг армии, наносит удар на лидском направлении... – докладывал генерал Кузнецов в штаб Западного фронта, – мы никаких резервов не имеем, и парировать удар нечем»⁵⁰. Под неослабевающим натиском врага войска Западного фронта вынуждены были отступать, ведя арьергардные бои.

Подобное положение наблюдалось и на Юго-Западном фронте, у генерала М.П. Кирпаноса. На основании директивы № 3 он должен был: «концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов при поддержке авиации окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский – Крестынополь и к исходу 24 июня овладеть районом Люблин»⁵¹.

Однако, ввиду того что основные силы фронта, в том числе наиболее укомплектованные и сильные 4-й и 8-й механизированные корпуса, находились на львовском выступе, а группа армий «Юг» главный удар наносила в обход его с севера. Двух суток, отведенных на подготовку удара по врагу и овладение Люблином, до кото-

рого войскам предстояло пройти свыше 120 км, было явно недостаточно. То есть приказ Главного командования по уничтожению люблинской группировки противника уже тогда никак не соответствовал реальности. К исходу первого дня войны войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западных фронтов под неослабевающим натиском врага вынуждены были отступать, ведя арьергардные бои.

По-иному происходили события 22 июня на флангах советско-германского фронта, где противник в первые дни войны не проявлял активности или действовал ограниченными силами. Это позволило советским войскам, действовавшим на этих участках, в сравнительно спокойной обстановке выдвинуться к границе и занять рубежи обороны согласно планам прикрытия.

В целом к концу первого дня военных действий на центральном направлении советско-германского фронта для Красной армии сложилась крайне тяжелая обстановка. Противник, упредив соединения и части прикрытия в занятии оборонительных полос и рубежей, с ходу преодолел линию укрепленных районов. За счет этого его подвижные соединения получили возможность без особого труда рассекать, окружать и уничтожать группировки советских войск по частям. Особенно трудное положение к концу дня сложилось в полосе Западного фронта, где передовые отряды немецких 2-й и 3-й танковых групп вклинились на глубину 60 км.

Тем самым обе танковые группы, действуя в соответствии с замыслом первой наступательной операции группы армий «Центр», начали охват с севера и юга не только основных сил Западного фронта. Этими ударами враг фактически обеспечил себе благоприятные условия для дальнейших действий на северо-западном и юго-западном направлениях. Так заканчивался тот первый день войны.

Вспоминая те события уже более чем полувековой давности, невольно думаешь о дне сегодняшнем. В истории войн сражения начального периода войны всегда имели большое значение. Ими во многом определялись дальнейший ход и исход кампаний и войн в целом. В современных условиях при наличии качественно нового оружия и военной техники их значение еще больше возросло. Можно иметь достаточно сильную армию, но проиграть войну из-за поражения в первых операциях. Поэтому начальный период войны продолжает оставаться и в современных условиях объектом особого внимания.

Makovskiy V.B. The First Day of the War. Painful Points of Memory.

Summary: In the article on the basis of new and earlier known archival documents, materials and sources the fighting of the Soviet armies of the western frontier districts are considered on June 22, 1941, and on this basis the author undertakes attempt to some extent to answer the question – how such could happen?

Ключевые слова	Keywords
Вторжение, приграничные сражения, боевая готовность, группировка, военные действия, главный удар.	Invasion, border combat actions, combat readiness, grouping, military (combat) actions, main thrust.

Примечания

1. АФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1712. Л. 250.
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 12 – 15.
3. ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1, 2.
4. АВП РФ. Ф. 7. Оп. 1. П. 2. Л. 1 – 4; Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. М.: Изд. Московский рабочий, 1991. С. 349, 350.
5. ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 2729. Д. 4. Л. 1, 2; Газета «Правда», 23 июня 1941 г.
6. 1941 год – уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. С. 106.
7. История дипломатии. Т. IV. М.: Изд. Полит. литературы, 1975. С. 184.
8. ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 26. Д. 2. Л. 52– 65.
9. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945: документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1941 – 1943. М., 1983. С. 513.
10. Там же. С. 514.
11. Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941 – 1945. М.: Наука, 2004. С. 14.
12. Советско-американские отношения 1939 – 1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова М., 2004. С. 132 –135.
13. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 282. Л. 11 – 13.
14. Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 56, 57.
15. В период с 22 по 24 июня 1941 г. на базе приграничных округов были созданы Северо-Западный, Западный. Юго-Западный, Северный и Южные фронты.
16. Гот Г. Танковые операции. М.: Воениздат, 1961. С. 64.
17. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69.
18. ЦАМО РФ. Ф. 21. Оп. 1394. Д. 23. Л. 25, 26.
19. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 2.
20. Христофоров В.С. Первые дни войны по документам Центрального архива ФСБ России. Испытание. Т. VII. Издат. «МГИМО– Университет», 2011. С. 169, 170.
21. ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 478.
22. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп.3038. Д. 12. Л. 2.
23. ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 306.
24. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 13.
25. Там же. Д. 195. Л. 14.
26. ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 23. Л. 102, 103.
27. Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1989. С. 89.
28. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 195. Л. 7.
29. ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 469.
30. ЦАМО РФ. Ф. 113. Оп. 3273. Д. 2. Л. 148.
31. ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 5. Л. 97.
32. Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 67.
33. ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 469.
34. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д.206. Л. 22; Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Л. 10.
35. ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 77.
36. ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 2467. Д. 39. Л. 103.
37. ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 65. Л. 104.
38. Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии в начальном периоде Великой Отечественной войны. М.: 1961. С. 71.
39. Блюментрит Г. и др. Роковые решения. М.: Воениздат, 1958. С. 82, 83.
40. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп.2511. Д. 36. Л. 1.
41. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12478. Д. 231. Л. 5 – 7.
42. Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. М.: Изд. «РФМ», 1995. С.139.
43. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12454. Д. 134. Л. 143.
44. Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 147, 148.
45. ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1, 2.
46. ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 23. Л. 123, 124.
47. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 156. Л. 1.
48. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260 – 262.
49. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 4857. Д. 11. Л. 48, 49.
50. Там же. Оп. 3038. Д. 15. Л. 12.
51. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 111. Д. 112. Л. 5.